

Гомер не должен умереть. Человечество утрачивает дар речи

Пьеркарло Гримальди

(Университет гастрономических наук: Италия, г. Бра (CN), 12042,
Полленцо, Пьяцца Витторио Эмануэле, д. 9)

Аннотация. *Статья представляет собой размышления (на основе собственного личного и научного опыта) о проблемах и задачах этноантропологии в условиях кардинальных изменений в мире, ведущих к разрыву многотысячелетнего механизма передачи культурного опыта в устной форме из поколения в поколение. Рассматривается вопрос о значении и последствиях этих изменений, перспективы сохранения (и возможности возрождения) устного культурного наследия в новых условиях урбанизированного цифрового общества.*

Ключевые слова: *конец устной традиции, устность, этнография Италии.*

Дата поступления статьи: 3 марта 2025 г.

Дата публикации: 25 сентября 2025 г.

Для цитирования: Гримальди П. Гомер не должен умереть. Человечество утрачивает дар речи // Традиционная культура. 2025. Т. 26. № 3. С. 162–178.

DOI: <https://doi.org/10.26158/TK.2025.26.3.016>

ВВЕДЕНИЕ

Цель данного исследования — показать, что устная традиция жестов и слов, которая определяла эволюционный процесс человека в культуре, а также упорное, но не осуществленное стремление отделить животное от формирующегося человеческого, исчерпывает себя на рубеже тысячелетий. Видимый и невидимый барьеры ознаменовали переход, произошедший на протяжении жизни всего нескольких поколений.

Я мог непосредственно наблюдать нынешнюю, решающую стадию этого процесса, и это одна из причин, почему я обратился к исследованию перемен, витающих в воздухе.

Я родился в 1945 г. в сельской местности, в Коссано-Бельбо, селе, в котором тогда проживало около двух тысяч человек и которое находится в границах крестьянского края — Ланги, связанной с именами писателей Чезаре Павезе и Беппе Фенольо и примыкающей к той части Монферрата, которая относится к провинции Асти. Примерно в возрасте тринадцати лет я начал учиться ремеслу деревенского портного, а перестал шить и закрыл ателье в конце лета 1973 г. Чезаре, мой отец и наставник в портновском деле, умер в феврале того же года и не смог присутствовать на защите моей дипломной работы по социологии, которая проходила в июне.

В детстве я посещал начальную школу и первый класс школы, которая должна была подготовить к трудовой деятельности. В возрасте двадцати лет — весьма позднем для возвращения на школьную скамью — у меня созрела идея продолжить учебу. Экстерном я сдал экзамен за третий класс средней школы¹, а затем на протяжении трех лет — летние и сентябрьские экзамены в учительском институте². И вот по окончании последнего, четвертого года я учитель! В те месяцы мой отец один занимался делами нашего семейного ателье.

Мне было 24 года. На год я прервал учебу и снова начал шить рабочие штаны для односельчан, а затем поступил на педагогический факультет Туринского университета. Моменты жизни в городе тогда еще великого «Фиата», эпизоды событий 1968 г. и утопическая, но серьезная попытка объединения крестьян и рабочих в политической борьбе... С моим опытом в отцовском ателье почти два года я работал в школе, где обучал инвалидов шить. Необыкновенный жизненный урок: я все же не зря выучился портновскому ремеслу! Несколько месяцев в качестве штатного учителя. Затем исследовательская стипендия в Туринском университете.

В 70-х годах прошлого века и тысячелетия я начал полевые исследования того, что тогда еще называлось «народной традицией». Антропологический проект, пропитанный надеждой, чтобы найти в крестьянском мире, пережившем исход в мегаполисы, в сверкающие современностью и фабриками промышленные центры, остатки обрядовых форм и практик устного характера [Bravo 2013]. Меня ждали антропологические сюрпризы, о которых можно было только догадываться.

Забытая миром, обращенным в будущее, которое, безусловно, сулило больше, чем в итоге выполнило, традиция хранила в эволюционном наследии конца тысячелетия (который она встречала с неко-

торой тревогой) живые мифы и ритуалы, все еще несущие в себе разрозненные знания своих исконных мифов. История, проецирующаяся за пределы истории, позволяющая интерпретировать глубинные и мифические причины устойчивости традиции в быстро развивающемся и трансформирующемся пространственно-временном ритме [Buttitta 1996; 2020].

В этом, хотя и мимолетном, контексте воспринимаемой преемственности с прошлым она в то же время удивительным образом давала начало новому и неожиданному периоду возрождения, переосмысления, «переизобретения» народных праздников и других антропологических категорий, которые синкретизировались между прожитым и вымышленным фольклорным прошлым и новыми формами знания, сопровождающими рост и распространение постмодерна [Grimaldi, Porporato 2015].

Это было начало периода изысканий, с одной стороны, направленных на фиксацию прошлого, в надежде на то, что под пеплом заброшенной сельской местности все еще может тлеть огонь живой традиции, готовый возобновить свою воспроизводительную функцию. С другой — никогда не теряемая утопическая научная надежда на открытие новых культурных ресурсов традиции, функциональной и также порождающей новые культурные ритмы, как это всегда происходило в прошлом в истории, которая прежде всего была лишена истории.

Изыскания, вдохновленные мечтами о будущем, новых традициях, которые еще предстоит открыть, что в то же время противоречило твердой уверенности ученых в том, что мы теперь сталкиваемся с неотложной необходимостью сбора устной традиции прошлого, все еще живой в последних поколениях, получивших ее естественным путем от своих предшественников (которые еще жили почти первозданной устной культурой),

¹ Соответствует восьмому классу при сквозной нумерации (как в России).

² *Учительский институт* (ит. Istituto magistrale) — среднее специальное учебное заведение в Италии, по окончании которого выпускник имел право преподавать в начальной школе.

но уже неспособных передать ее изустно подрастающим поколениям.

При столкновении с этим радикальным поворотом, ставящим под сомнение само выживание крестьянского и ремесленного мира, стала очевидной необходимость принять активное участие в сборе, систематизации и сохранении того, что тогда определялось как культурное наследие. «Неотложная антропология», которая, с одной стороны, не всегда находила теплый прием в академической среде, больше заинтересованной в изучении и интерпретации культур других континентов, а с другой — в основном опиралась на деятельность отдельных ученых, местных интеллектуалов, самодеятельных, автономных центров изучения и исследования народной культуры, которые в памяти об исчезающем прошлом ощущали утрату традиции, незаменимой не только для спасения прошлого от забвения, но и для построения определенного будущего.

Итак, если формулировать максимально кратко, в течение нескольких поколений сельский мир пережил структурный упадок, сопровождавшийся утратой крестьянской культуры устного характера.

УСТНАЯ РЕЧЬ, ПИСЬМО, ЦИФРА, ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ

Здравый смысл подсказывает, что не столь далекие в прошлом поворотные моменты в развитии науки, которые уже, казалось бы, стремительно изменили мир, сегодня следует считать длинными и медленными ритмами познания, несравнимыми с хронометрическими, аналоговыми, а теперь и цифровыми ритмами современности.

Сегодня мы обсуждаем искусственный интеллект — научное приключение, о котором шепотом говорили во второй половине XX в., еще не предвидя тех тревог, которые эта молодая дисциплина вызывает в человечестве в настоящее время [Harari 2024]. Мысль о том, что созданное человеком знание может порождать новое знание, внечеловеческое сознание, даже нечеловеческое или бесчеловечное, способное противостоять человеческому

и превзойти его, является конкретным страхом, который более способствует ускорению последующих эволюционных изменений, отмеченных все более сложными алгоритмами.

Верно и то, что в основе искусственного интеллекта лежит наша антропная память [Le Goff 1979; Bettini 2016]. Это наследие, однако, складывается из столь многих индивидуальных знаний, что вместить их все может позволить себе только искусственный разум, из которого мы уже сегодня извлекаем предвестники интерпретативного, критического, внешнего прочтения знаний, которые, кажется, слишком огромны для нас.

Пространственно-временные ритмы, которые непрерывно ускоряются и в силу быстрых и все более сложных изменений делают непригодными язык и знания, использовавшиеся старшими возрастными группами, постепенно ставят в серьезное затруднительное положение информационно-знаковые способности даже младших возрастов. Теперь, перед лицом искусственного интеллекта, даже нынешние поколения, определяемые как «цифровые аборигены», внезапно обнаруживают тот же ужас, что и пожилые люди, выросшие на бумаге, ручке и чернильнице, — еще одно эпохальное изменение, которое стало очевидным на исходе тысячелетия. И многие ремесла, искусства, профессии, производственные навыки, знания и умения, которые казались неотъемлемым, неосязаемым культурным и производственным ресурсом, находятся на грани замены алгоритмическими процедурами, использующими искусственный интеллект [Sennet 2008].

КРЕСТЬЯНСКОЕ КРУГОВОЕ И СТОЛИЧНОЕ ЛИНЕЙНОЕ ВРЕМЯ

Интересные культурные зависимости, глубинные связи и разрывы смысла соединяют и в то же время противопоставляют эти эпохальные траектории познания.

Устные знания лежат в основе общественного сознания и передачи опыта из поколения в поколение — явления, ко-

торое знаменовало путь развития человечества вплоть до недавнего времени, когда письменность, насчитывающая всего несколько тысяч лет, начала все более быстрый процесс экстернализации и стабилизации слова, что стало решающим моментом для развития знания и становления науки [Leroi-Gourhan 1964–1965]. Фундаментальный процесс, развивавшийся долгое время за пределами крестьянского мира, который не имел школ и жил изолированно в сельской местности, считавшейся дикой. Время устной речи оставалось таковым и в эпоху первоначального распространения грамотности, которая в конце XIX в. еще почти отсутствовала.

Исследование Ячини, проведенное парламентом Королевства Италия с целью узнать и оценить те драматические условия, в которых оказалось сельское хозяйство, охватывало десятилетие, с 1877 по 1886 г. [Jacini 1884]. Данные, которые дает нам этот позитивистский отчет, очень важны для понимания тенденций в сельской местности и в целом в складывающейся стране.

Общая картина крестьянского мира, вырисовывающаяся в результате исследования, описывает жизнь трудную, даже на грани выживания. Сельское население составляло четыре пятых населения Италии, и большинство было неграмотно. Этот последний факт представляет особый интерес для наших целей, потому что мы понимаем, что большая часть тех, кто живет в сельской местности в домах (а некоторые еще в пещерах!), которые они делят с животными, являются участниками процесса передачи знаний из поколения в поколение, который основан на первичности устной речи, на передаче жестов и слов, почти не прибегая к письменности. Те немногие представители местной интеллигенции, которые живут в сельских общинах, знакомы с этой новой формой коммуникации, необходимой для социальной, институциональной жизни. Это своего рода привилегия, делающая их ведущими фигурами в общественном быту в качестве переводчиков, посредников

между бюрократией и неграмотным сельским миром [Cirese 1976].

Календарь традиции, отмечавшей язык и жизнь людей устной культуры, как мы можем видеть, круговой, возвращается к самому себе, рассказывает и пересказывает естественные и мифологические ритмы времен года, вечного возвращения. С переходом к современности, с развитием промышленности пространство и время стали линейными, хронометрическими, а теперь и цифровыми. Жизнь, которая была подобна смотанному клубку пряжи, становится похожей на иголку с тянущейся за ней нитью, которая начинается с узла рождения, скользит все время вперед без препятствий и заканчивается, выскальзывая из ушка иглы, сшивающей жизнь.

В круге времени мы могли видеть органическое, гармоничное отношение человека к ритмам природы, а календарь вечного возвращения указывал на поиск сакрального, возможность пережить смерть в коллективной памяти сообщества, знающего символические правила, обряды пребывания в мире [Элиаде 1965]. Круговой, фольклорный, сезонный, природный ритмы — образец, на котором Католическая церковь построила возвращающееся время библейского года, вплоть до синкретического включения народной сакральности в свое религиозное наследие [Grimaldi 1993].

Связь обрядов и мифов, жестов и слов, диалога между Церковью и гражданским обществом оказывается также в основе религиозного упадка, когда крестьянская устная речь начинает тяготеть к забвению. Духов природы мы стерли из настоящего, потому что они являются выражением суеверного видения, больше не оправдываемого научной культивируемой нами рациональностью, но к их поиску мы теперь возвращаемся. Эту природу, однако, мы не обнаруживаем, следуя по ложному рациональному пути, лишенному мифов, призывающих нас сажать деревья [Frazer 1922; Giono 1953; Clemente 1984]. Порпобальный плач, который когнитивно ритмизировал последний и самый драмати-

ческий обряд перехода в человеческой жизни, был экстернализирован таким образом, чтобы не соприкасаться со смертью [De Martino 1948; 1958].

Линейное, хронометрическое время утратило связь с ритмами природы, а вместе с ней и надежду пережить еще несколько сезонных кругов, как сказал бы Чезаре Павезе, а в конечном счете — способность жить в мире, в котором священное является неотъемлемой частью человеческого существования. С навязыванием письменности мы все больше и больше становимся частью пространственно-временного ритма, который, кажется, все меньше и меньше сохраняет ощущение священного прошлого, а скорее генерирует мирские направления, изображаемые прямой линией, неизбежно ведущей к смерти тела и души.

Настоящее все больше разрушает шаткие театры жизни, встраивая человека во время и пространство постоянного перехода, в котором мы мало знаем о логике прошлого и ничего не знаем о завтрашнем дне, в котором нам предстоит жить. Это прерывистые, рассредоточенные время и пространство, не позволяющие наметить определенную траекторию, как мы это видели с круговыми и линейными ритмами.

ПОБЕГ ИЗ СЕЛА

Крайняя бедность сельской местности открывает двери для тех, кто решает покинуть землю в поисках новых надежд на выживание и богатство на далеких континентах. Это гигантская эмиграция, в послевоенный период превратившаяся в настоящий исход из села в сторону промышленных центров и мегаполисов, возникших в основном на севере страны. Исход, который интерпретируется как поиск новой экономической модели, также является прежде всего изменением культурного курса, состоящим в отказе от местного языка, традиционной общинной социальности в пользу более современной альтернативной модели человечества с беспрецедентными и мало испытанными социальными формами и практиками.

Такой отказ от традиции усиливает убежденность ученых в том, что мы имеем дело с антропологической чрезвычайной ситуацией, с неотложной необходимостью сбора знаний о крестьянской памяти, а в более общем плане — о мире, который ищет в современности новые стратегии жизни и сосуществования и, следовательно, новое экзистенциальное воображаемое [Lombardi Satriani 1983]. Траектория развития человечества, которая с трудностями и без научного энтузиазма встречает первые попытки создания цифровых баз данных для сохранения элементов традиционных знаний в качестве культурного наследия, для строительства «житниц человечества», если отправляться от размышлений о нематериальном наследии, оставленном нам Адрианом [Yourcenar 1951; Grimaldi, Porporato 2012; 2015], чтобы иметь возможность располагать памятью, которая в противном случае больше не существует, которая больше не встречается в природе, если мы рассматриваем традицию как плод природы, при условии, что в природе она существует [Marrone 2011].

Сегодня мы должны заменить концепцию неотложной антропологии на концепцию антропологического забвения.

Мы привыкли говорить, что поколение отцов больше не понимает поколение детей, — разлом, который всегда воспроизводился из поколения в поколение в более или менее очевидных формах и практиках. Совсем иначе обстоит дело с разрывом поколений, который становится очевидным в свете изменений последних поколений. Если люди, родившиеся в первой половине XX в., особенно в сельской местности Италии, переживавшей модернизацию, с трудом пытались интегрировать письменное знание с устным, то после Второй мировой войны, начиная с 1950-х гг., исход из сельской местности становился все более и более насущным, как уже упоминалось, с утратой диалектного и культурного многообразия, которое характеризовало отдельные страны. Исход, диаспора, закрывшаяся от прошлого, ищущая новые формы выражения

в настоящем, в современности, чтобы интегрироваться и принять городскую идентичность. Радикальный выбор, без «если» и «но», который видел в фабрике спасение от нищеты и изоляции сельской местности.

Система гарантий в индустриальном мире и фрагментирование производительного труда принимались политизированным и объединенным в профсоюзы рабочим классом, который готовился, используя формы и практику борьбы в городских условиях, стать правящим классом. Что это не осуществилось и что утопия тех десятилетий второй половины XX в. потерпела крах также в узких формах радикальных и экстремистских идеологий, мы теперь знаем.

Обряды перехода, которые мир традиций также фольклорно институционализировал и которые отмечали цикл человеческой жизни [Van Gennep 1909], утратили в мегаполисе основания, в силу которых они гармонизировали течение времени в деревне [Clemente, Mugnaini 2001; Aime, Pietropolli 2014]. То же самое можно сказать и о праздничном календаре, который, как представляется, все больше нарушается. Великий момент радикальных перемен мы иногда интерпретировали некритично, что также обусловлено изобретением традиции, которую следовало больше обсуждать и интерпретировать в свете тех ответов, которые начали поступать из исследуемых полей [Hobsbawm, Ranger 1983].

В результате последние поколения оказались без отцов и учителей, потому что старшие поколения не смогли быть ни отцами, ни учителями, чтобы последовательно показать, как идти по жизненному пути, который становится все более и более сложным и не имеет когнитивной ритуальной системы, сопровождающей переходы из одного статуса в другой.

Смерть системы представлений человека устной культуры заставляет нас рассмотреть общинное видение, которое характеризовало крестьянскую жизнь:

колокольня стояла в центре мироздания, известного, проживаемого и интерпретируемого, а коллективное знание было повествовательным процессом, развивавшимся во время зимних посиделок и рассказов в уголке летом.

Некоторые материальные и нематериальные основы великого перехода от крестьянского мира к современному демонстрируют, что существует пространственно-временной ритм и в рамках него все, кажется, согласуется с переменной, о которой мы рассуждаем, — устный характер культуры.

КАТОЛИЧЕСКАЯ ЦЕРКОВЬ

То, что Католическая церковь переживает трудный момент, хорошо известно. Слой верующих — людей, которые следуют заповедям и соблюдают обряды хотя бы по воскресеньям, становится все тоньше. Внезапно мы с повсеместным ложным изумлением осознаем, что пыл нашей религиозной веры свелся к слабому мерцанию. Не хватает прихожан и священников. Все более усиливающаяся секуляризация характеризует настоящее в Италии и за ее пределами. Если на рубеже XX в. участие верующих в воскресных богослужениях оценивалось в 70–80 % населения, то в 1940-х гг. оно начало снижаться. В 70-х годах XX в. оно опустилось до 60 %. Большой спад был зафиксирован между 70-ми и 80-ми годами: с 55 до 30–40 %. Два десятилетия спустя, на рубеже тысячелетий, лишь 36 % итальянцев ходили на мессу хотя бы раз в неделю. В 2018 г., примерно двадцать лет спустя, только 24 % посещали воскресную мессу, согласно данным, предоставленным Istat³. Тревожные данные, которые указывают на постоянно нисходящую траекторию, но которые кажутся сильно завышенными, согласно исследованию, проведенному в городе Асти социологом и священником Луиджи Берцано.

Информация, собранная в шести приходах Асти в 2019 г., говорит о том, что только 5 % населения посещают вос-

³ Итальянский институт статистики (Прим. пер.).

кресное богослужение: «Среди католиков более 90 % больше не ходят на мессу по воскресеньям, за исключением особых случаев. Это главный показатель перестройки современной религиозной жизни среди католиков, проживающих в современных обществах. Только 5 % привычно посещают воскресную мессу, которая до сих пор считается обязательной для верующих. Однако подавляющее большинство, более 90 %, все же участвуют в том или ином обряде перехода: крещениях, первых причастиях, конфирмациях, венчаниях, поминальных розариях, похоронах, престольных застольях, заупокойной мессе по своим умершим родственникам» [Berzano 2023, 9]. Ученый заслуживает похвалы за то, что он жестко, с цифрами в руках осветил экзистенциальную драму и драму веры, которую переживает Католическая церковь и, возможно, пытается скрыть, транслируя только слова Папы, как это происходит также в политике и вообще в сфере массовой информации, ограниченной тем, чтобы говорить только от имени верхов.

Упадок участия верующих в обрядах ограничивается обрядами перехода, отмечающими важнейшие моменты человеческой жизни. Поэтому Церковь сегодня является фактически частью меньшинства. Томазо Монтанари напоминает, что церкви закрываются, подчеркивая, что величайшее культурное наследие страны имеет все меньше и меньше хранителей и все больше ощущается опасность его забвения. Знаки веры тоже являются культурными ценностями, порой неповторимыми, которые больше не доступны не только верующим, но и посетителям, не всегда руководствующимся религиозными убеждениями [Montanari 2021]. Прекрасные церкви, усеивающие итальянский пейзаж, все чаще зависят лишь от христианского благочестия или светской доброй воли отдельных энтузиастов. Конечно, величайшее культурное и художественное наследие страны рискует стать добычей спекулянтов и рынка, который инструментально и эгоистично приватизирует красоты мира. Воскресенье, как

время, посвященное Богу, не сменяется разумным светским выбором жизни, но, скорее, агностически — одним из семи дней, отмечающих переход в ритме работы и отдыха, свободного времени, а ритуальное содержание, отделяющее время и пространство воскресенья от других дней, ослабляется, если не отменяется ради практик, которые больше не принадлежат сообществу общей судьбы, существенной и даже определяющей частью которого была Церковь.

Итак, мы прошли путь от четырех пятых верующих и воцерковленных итальянцев в первые десятилетия XX в. до чуть менее чем четырех пятых, которые больше не посещают воскресную мессу, спустя сто лет. Если мы посмотрим внимательнее, то увидим, что наиболее очевидной негативной тенденцией становится та, которую мы фиксируем в течение десятилетия между 70-ми и 80-ми годами. Она параллельна тенденции снижения интереса к устной традиции, о которой мы уже говорили и которая, по-видимому, лежит в основе этой общей негативной траектории — поворота, связанного с потерей устной культуры, общинной жизни, потерей коллективной памяти.

СЕМЬЯ

Еще один столп общества переживает тревожный кризис. Институт семьи сегодня переживает непростой, запутанный момент, когда число разводов приближается к половине числа регистрируемых браков. Все чаще брачный ритуал происходит в мэрии, и его исключительное время, священная ритуальность принимается до простого застолья, традиционное содержание которого выхолощено.

Тенденция проведения гражданских и религиозных бракосочетаний адаптируется к траектории участия верующих в воскресной литургии. Брак является институциональным истоком формирования семьи, которую в настоящее время в гораздо меньшей степени принято рассматривать как основное, конститутивное ядро репродуктивного развития об-

щества. Беспрецедентная статистическая картина брака показывает нам институт, который уже не выглядит таким прочным, каким он был когда-то, напротив, он как будто трещит по всем швам.

Если расширенная крестьянская семья обеспечивала воспитание детей и поддержку стариков, которые были составной частью ячеек, живущих под одной крышей, то по состоянию на 2023 г. нуклеарная семья состоит в среднем из 2,3 человека. 35 % домохозяйств состоят из одного человека. 22 % пар не имеют детей. Только у 31 % есть дети.

Эта общая картина свидетельствует о том, что семья все меньше и меньше является репродуктивным двигателем общества. На самом деле умирает больше людей, чем рождается, и это снижение, похоже, усиливает негативную тенденцию.

ШКОЛА

Еще одной опорой общества является школа, образование и обучение молодежи. Много говорят о кризисе образовательной модели. Мы входим в число европейских стран с самым низким процентом лиц с высшим образованием, около 20 %, в то время как в Европейском союзе количество выпускников вузов превышает 32 %. На Юге Италии этот показатель вообще падает до 16 %. Если рассматривать только людей в возрасте от 30 до 34 лет, то разрыв с Европой становится еще более очевидным: 26,8 против 41,6 %. Отсев из школ вызывает тревогу: более 10 % учеников не оканчивают школу, а в некоторых регионах Юга этот процент имеет тенденцию к удвоению.

Спусковым крючком в этом случае становится конфликт, который создается между студентами и преподавательским составом. Амбиции семей, видящих в школьных успехах ребенка положительное подкрепление не всегда успешного семейного образования, ухудшают образовательный климат, в то время как учебный процесс должен быть отмечен спокойствием и глубиной, которая, кажется, покинула стены одного из наших

самых важных общественных институтов, долгое время бывшего для нас предметом гордости.

СЁЛА И МЕГАПОЛИСЫ

Есть еще одна тенденция, которую, я считаю, необходимо учитывать. Вот уже в течение примерно десяти лет более 50 % населения мира проживает в городах. Беспрецедентное явление, которое на Западе приобретает все более высокие и все более тревожные значения. Более 70 % населения Италии проживает в городских районах. Новая потребность жить вместе, которую Джозеф Рот провидчески распознает: «Знаете, такова воля времени. Люди не умеют быть в одиночестве. Они объединяются в абсурдные группы, и даже деревни не могут существовать сами по себе. Так рождаются абсурдные сущности. Крестьяне тянутся в город, а сами деревни стремятся стать городами» [Roth 1950, 5]. Это размышление объясняет, почему деревни, сельская местность, обречены на заброшенность, если процесс роста городов не будет обращен вспять, что, кажется, пока оставляет всех равнодушными. Много внимания уделялось инструментальным возможностям жизни в городских районах. Казалось, что маятниковые миграции, которые восстановили во времени и пространстве заброшенную сельскую местность, были недвусмысленным признаком стремления людей к миру природы, традиций, ценностей, символов, мифов и ритуалов и могли бы стать основой для нового их возрождения [Teti 2023], но это явление, кажется, не приобрело пока прочного органичного характера.

Эпохальный выбор в пользу большого города, сделанный последними поколениями, только подпитывает сильное и все более востребованное маятниковое движение между городом и сельской местностью, между местом искусственности и естественности. Сегодня мы наблюдаем туризм, нацеленный не на то, чтобы пустить (или восстановить) свои корни в недавнем прошлом, а скорее на беспорядочное потребление наследия, ценностей,

которыми страна все еще обладает. Обычно обед по высокой цене и бутылка вина, которая никогда не оправдывает своей астрономической цены, рассматриваются как гарантия того, что ты купил кусочек территории и увез его домой как ресурс идентичности, подзарядившись перед возвращением аффективностью, истраченной в инструментальной сложности мегаполиса [Bravo 1984]. В целом мы сталкиваемся с рынком ценностей, привязанностей, ритуалов, или, иными словами, с созданием новой монетизированной памяти, которая должна предоставить нам новый, экзистенциальный, основанный на ценностях профиль, далекий от оппортунистического, инструментального профиля городской жизни — проект, который, однако, выглядит все более эффективным.

ОГОНЬ

Если мы затем войдем в дома разных семей, то обнаружим, что открытый огонь на кухне исчез. Новые деликатесы больше не знают пламени. Если мы оглянемся на несколько поколений, которые предшествовали нам, то узнаем, что кулинария превращала пищу из сырой в приготовленную с использованием печей, работающих на дровах. Только в послевоенный период использование электричества и газа для приготовления пищи и отопления стало всеобщим. Сегодня индукционная плита заменяет огонь. Примерно полтора миллиона лет назад человекообразный примат начал контролировать лесные пожары и положил начало процессу «одомашнивания» огня, который дошел до нас. Несколько поколений — и у нас уже не останется и следа того живого огня, который позволил перейти от сырого к приготовленному, благополучеству, ускоряя эволюционный процесс от обезьяны к человеку.

Правда и то, что приготовление пищи на открытом огне в тавернах и ресторанах угрожало здоровью до такой степени, что иногда приводило к смерти поваров из-за невыносимой жары. Благополучие и комфорт, которые предлагают новые техноло-

гии приготовления, неоспоримы и способствуют распространению ресторанов, кафе, подчас неожиданных мест для приема пищи, изменяя традиционные практики использования домашней кухни. Также становится все более очевидным, что отсутствие открытого огня приводит к утрате способов приготовления и гастрономических приемов, придававших при использовании огня вкусы и ароматы, которые уже не могут быть восстановлены с помощью методов обработки. С другой стороны, и в настоящее время все еще есть люди, ищущие места, где можно увидеть, как пламя открыто применяется, особенно для приготовления мяса, потому что они находят в этом привычные ароматы и вкусы, связанные с образом дома и общения, исчезнувшим со всеми вытекающими печальными эмоциональными и ритуальными последствиями (подробнее см.: [Гримальди 2019]).

ГИПОТЕЗА ИССЛЕДОВАНИЯ

Если теоретическая основа, кратко изложенная выше, приводит нас к мысли, что настоящее, интерпретирующее грядущее завтра, уже является частью эволюционного эпохального культурного поворота, то очевидно, что теперь речь идет о том, чтобы провести полевое исследование, которое экспериментально покажет, поддаются ли проверке антропологические траектории, которые мы видим на горизонте. Как мы отмечали, наше воображение, определяемое временем и пространством, порождает новую лингвистическую ритмичность, культурный проект, который все больше живет вне человека. В то же время неспособность на данный момент определить человеческую траекторию нового, не стремящуюся стереть прошлое, встречает (как я и опасуюсь) конкретные подтверждения, поэтому можно предположить, что чем больше человек переполнен настоящим, которое не знает прошлого, чем больше он экстернализирует свою память в модели цифрового знания, тем больше он доверяет генеративный творческий анализ нашего хранилища воспоминаний искусствен-

ному интеллекту и тем больше он теряет конкретное направление смысла жизни, которая зародилась в прошлом.

Короче говоря, потеря слова и жеста традиции обуславливает радикальную трансформацию человечества, которое не знает уже магико-религиозных систем, нематериальной конкретности смысла жизни и сегодня пытается пробиться через письмо, состоящее из все более сжатых верениц слов, обреченных на самую поверхностную пустоту. Если нам приходится писать сжато, чтобы не тратить и не заставлять читателя тратить время впустую, стоит прибегнуть к афоризмам, максимам, идиомам, пословицам, формульности, которые являются фундаментом языка традиции, знающей те повторяющиеся основы, на которые опирается язык, чтобы управлять миром [Rotterdam 2013].

В конечном счете я вынужден признать, что констатирую смерть культурного пути — факт, который антропология, кажется, не полностью осознает или, во всяком случае, не очень обращает на него внимание, отвлекаясь на критические размышления о том деликатном, но решительном повороте, с которым мы сталкиваемся. Если правда, что ничто никогда уже не будет прежним, мы должны поставить перед собой вопросы (как я попытался сделать в этой статье) относительно фольклорной сферы, чтобы подтвердить смерть устной традиции в том виде, в котором мы ее знали. В то же время необходимо представить, какая форма и практика преемственности, замещающие устную преемственность поколений, порождается происходящими изменениями, и, следовательно, встать на траекторию перехода к новой культурной парадигме, больше не основанной на прямых отношениях, физическом взаимодействии между людьми.

Даже письменность, которую мы всегда ощущали как радикальное изменение в эволюции человека, надежное средство запоминания слова и придания ему устойчивости, свидетельствует о буквенной культуре, разрушающей текучесть

устного мышления и навязывает аналитическую, линейную концепцию. Этот решительный поворот ставится под вопрос распространением жестов и слов в цифровом формате, что удивительным образом восстанавливает сильные черты языка традиции, порождая *вторичную устность*. Голос, а затем изображение через компьютерную сеть устраняют время и пространство в выразительном процессе, что во многом отодвигает на второй план письмо. Появляются мультимедийное воображение, дополненная реальность, о которых еще присутствующие старшие поколения никогда бы не могли помыслить.

Проверка в поле должна показать, насколько жесты и слова, как мы их переживали в прошлом, теперь стали чисто вспомогательным, служебным элементом, лишенным ценностного характера, определявшего устную жизнь в культуре. Меняются формы и практики речи как элемента эволюции, культурного роста, давая возможность предположить, что мы можем даже отклониться от пути, по которому человечество не без усилий продвигалось во все времена, пути, определяемого способностью все больше и больше отказываться от животных черт, которые все еще присутствуют в процессе нашего пока неполного очеловечивания.

Констатируемое нами забвение первичной устности положит конец культуре слова и жеста. Видимый и невидимый барьеры все больше и больше разделяют эти два времени. Речь и жестикуляция, физические отношения, которые необходимы для понимания и интерпретации устной речи наилучшим образом, уже никогда не будут прежними, так же как и проксемические черты, необходимые для прямого общения между несколькими индивидами. Сегодня с помощью мультимедийных систем легче разговаривать друг с другом и, возможно, понимать друг друга, чем при личной встрече. Даже недавний драматический опыт пандемии отделил нас от практики прямых отношений, подчеркнув нашу истинную и предполагаемую коммуникативную, эмоциональную,

экспрессивную хрупкость. Пространственно-временные ритмы приобретают другие формы, которые мы еще не знаем, как представить и интерпретировать с полным знанием фактов [Leroi-Gourhan 1964–1965]. Таким образом, современный диалог между человеческими приматами, который до недавнего времени происходил в прямой выразительной форме, между «физическими лицами», теперь становится все более виртуальным. Интерфейс, экран различного вида, который мы носим с собой каждый день в кармане и который заменяет, помимо всего прочего, также и кошелек, занимает наше рабочее место и повседневную жизнь, стоит перед нами и доставляет нам на дом весь мир, в то же время отдаляя его физический характер.

Слово, передаваемое из уст в уста, из уст в уши, является не только моментом эволюционных изменений в человеческом обществе. Глагол, который был в центре всеобъемлющего религиозного, политического, экономического и социального процесса, который мы до сих пор наблюдаем в действии, теряет свой авторитет, капитулирует перед искусственным божеством, которое поселяется в новых сообществах, на площадях, где цифровые технологии водрузили свой флаг.

Я понимаю, что выбранный путь является трудным с научной точки зрения. Теоретическая структура, которую необходимо экспериментально проверить, требует методологического и техническо-

го планирования, значительных усилий и большой научной тщательности. Что можно сказать наверняка: независимо от того, придется ли нам все еще задерживаться на традиции или нет, мы сталкиваемся с гамлетовской дилеммой, которую, как мы думали, мы уже преодолели. Ночная история, мастерски прослеженная Карло Гинзбургом, которая путешествует по далеким временам и обширным фольклорным пространствам, начиная от сибирских степей до наших краев⁴, больше не принадлежит эволюционным ритмам современности. Исключительное исследование, проведенное Нутто Ревелли в сельской местности Кунео⁵ с целью вернуть мифологическое наследие в сознание человека, сегодня уже не имеет в своем распоряжении живых свидетелей, которые могли бы подтвердить полностью исчезнувшие слова [Revelli 1977; 1985]. Крестьянские знания, о которых мы узнаём, гонимые за последними следами устной традиции, уже не присутствуют в театре жизни новых поколений.

Новая полевая история, которая придет, сможет только реконструировать устную повседневную жизнь настоящего, опрашивая последние поколения. Для истории подчиненных классов [Cirese 1971] только амбары, подготовленные Адрианом на неопределенное будущее, уже два тысячелетия назад мучившее его, и теми, кто работал над сохранением знаний, ставших устойчивой памятью, смогут ответить на возникающие научные за-

⁴ Карло Гинзбург (р. 1939) — итальянский историк и антрополог. В работе «Ночные истории. Истолкование шаша» [Ginzburg 1989] обращается к теме магических представлений, происхождения и истории представлений о ведьмах. Его исследование отправляется от сюжетов дохристианской религиозности, шаманских «полетов» в иные миры, экстатических видений пророческого характера у народов Евразии, а заканчивается в сельской местности провинции Кунео, на границе с Провансом. Обращаясь, в частности, к материалам, собранным Н. Ревелли, К. Гинзбург нашел в устной традиции Пьемонта ключ к познанию и реконструкции мифологии, связанной с ведьмами.

⁵ Нутто Ревелли (1919–2004) — итальянский военный, писатель, участник Сопротивления. Партизанский отряд Н. Ревелли действовал в Лангах — местности, описываемой в статье. Уже в 1960-е гг. начал проводить фольклорно-этнографические исследования сельского быта и жизни крестьян в провинции Кунео. Он предвосхитил тот факт, что устная культура в условиях бурной индустриализации движется к постепенному исчезновению. Фиксации традиционных знаний ради их сохранения он посвятил свой многолетний труд, результаты которого опубликованы в книгах «Мир побежденных» [Revelli 1977] и «Сильное звено» [Revelli 1985].

просы. «Создавать библиотеки — это как строить общественные зернохранилища, накапливая резервы на случай зимы духа, который я по многим признакам, вопреки собственному желанию, предвижу» [Yoursenar 1951, 109]. Эту «зиму духа», как предупреждает Адриан, мы слышим, чувствуем, как она настойчиво стучится в двери настоящего [Grimaldi, Porporato 2012; Grimaldi et al. 2019].

Появится новая традиция, возможно, она станет результатом успешной инновации, все более интеллектуальной цифровой памяти, которая в значительной степени больше не будет принадлежать как творческий и оригинальный элемент нашему индивидуальному и общинному способу интерпретации мира.

Если, как я полагаю, это так, то что мы можем предпринять, чтобы сделать происходящий культурный переход менее драматичным?

Безусловно, нужно искать людей, сохраняющих по разным причинам до сих пор активную и долгую память о прошлом, которые до сих пор были участниками устной традиции, чтобы наполнять житницы памяти тем, что осталось. Вторая возможность предоставляется многими письменными материалами, которые благоразумные, усердные и мудрые авторы сознательно зафиксировали, сохранили для будущего, на которое мы не всегда смотрим с оптимизмом прошлого. Перед лицом этой памяти, которая знает значение конечного, завершённого, мы должны попытаться найти какое-то решение.

До сих пор мы говорили о конце устной культуры и, следовательно, о народной традиции, но именно сейчас на глазах у всех физическая структура сельского мира, крестьянских общин также по большей части находятся на грани исчезновения.

Еще в 1960-х гг. сельская местность, деревня жила активной общественной жизнью, обладала глубоко укоренившейся и живой системой социальных, культурных и экономических отношений, что делало ее во многом вселенной, покрывавшей большинство, если не все повседневные

и особые нужды местной жизни. Ежедневный рынок компенсировал потребности, которые город был не в состоянии удовлетворить.

Запад эпохи модерна и постмодерна в настоящем решил жить в мегаполисах. 60 % населения все больше и больше стремятся к скоплению в городе, в то время как деревни и крестьянские общины страдают от невиданной ранее депопуляции. В свете этих данных, которые говорят о мире, переворачивающемся с ног на голову, все чаще и чаще обсуждаются маргинальные районы, сёла, которые перед лицом этих эпохальных исходов демонстрируют экзистенциальную хрупкость, дающую представление о конце пути человечества, знавшего когда-то искусство жить и сосуществовать с природой [Bonato 2017].

Спустя 150 лет после авторитетного исследования королевских властей мы начинаем осознавать, что мир природы, деревни, сельского хозяйства усеян селами, которые больше не являются хранителями материального и нематериального наследия, оставленного нам предками как щедрое наследство.

Жест и слово, устная речь, сопровождавшие эволюцию человечества, больше не принадлежат новым поколениям, которые во многом также отказались от письменности ради цифровой вселенной, обращенной теперь к искусственному интеллекту со все более непостижимыми и непередаваемыми ожиданиями. Перед нами модель быстрой и дикой трансформации, которая привела к драматическому исчезновению также материального, торгового и ремесленного наследия, определявшего активную и живую жизнь крестьянской общины.

Сегодня сёла опустели и стали безмолвными. Основные услуги, которые еще несколько десятилетий назад позволяли обществу жить в течение годового и жизненного цикла почти в полной автономии, больше не обеспечивают пожилым людям, остающимся привязанными к своим корням, удовлетворение базовых потребностей повседневного выживания

(так же как и молодым людям, которые хотят быть частью сообщества).

Если имеет смысл еще раз напомнить о необходимости восстановления памяти, корней повседневной и исключительной жизни общин на основе воспоминаний людей, которые еще знают местное прошлое, чтобы восстановить карту производственных, социальных и культурных отношений села, утраты системы услуг, торговли и ремесел, то в равной степени научным и моральным долгом является интервьюировать, собирать и анализировать историю (и истории) села, строить карты общин. И начинать следует с той, которая «фотографирует» динамику местной жизни, основанной на воспоминаниях пожилых людей — воспоминаниях, находящихся под угрозой забвения, чтобы сравнить собранную ценную информацию с картой настоящего. Наложение друг на друга и критическое сопоставление различных исторических картин позволит нам прийти к аналитическому и глобальному пониманию эволюции сел и распознать критическую точку, когда территория перестает быть сообществом и становится местом, лишенным социальной жизни.

Карты сообществ — это исключительное цифровое и интерпретативное богатство, которое позволяет исследователям пролить свет на самые сложные процессы трансформации деревенской жизни и вернуть это знание людям, все еще живущим там, и тем, кто намерен туда вернуться или впервые обосноваться, помочь им понять пространственно-временные ритмы, которыми отмечена история и мифология сообщества единой судьбы. Капитал знаний, имеющий основополагающее значение для планирования и руководства и полезный для учреждений, которые ищут способы решения этой проблемы, ставящей на карту судьбы завтрашнего дня не только сел, но и стран⁶ в целом.

Это безотлагательный шаг к пониманию состояния жизненной структуры сообщества, способ понять, где еще можно

приложить заплату к закрытию насущных потребностей. Тщательная починка и нежная подшивка могут заставить отцветшее вновь зацвести. Если в прошлом мы говорили бы о глубокой связи между базисом и надстройкой, то сегодня мы можем сказать более невинным образом, что критическое знание структуры сообщества, безусловно, является основой для возрождения социальных и аффективных отношений в данной местности и может позволить возобновить диалектную выразительность и воображение. Если, разумеется, как мы не раз говорили, очевидно, что следует признать умершим и трудно воскрешаемым.

В гипотетическом плане я верю, что если бы мы оживили сообщество в его материальной общественной структуре, то устная культура, которая является частью наших врожденных способностей, также возродилась бы. Женщины снова находили бы повод выйти из дома и в традиционных местах общения познакомиться с новыми людьми, которые хотели бы стать частью повествования о возрождении села. Таверна, место мужской социальности *par excellence*, снова стала бы местом, где слово, повествование, песня, пародия, выражающая остроумие человеческого голоса, вновь стали бы свободными и объединяющими. Выражаясь сакральным языком воскресной мессы, которую посещают все реже и реже, «*Verbum caro factum est*», слово вновь становится плотью, хлебом насущным. В этих перерожденных местах мы можем обрести свои песенные пути [Chatwin 1987].

С другой стороны, перед нами безудержный феномен мыльных опер, сериалов, которые занимают все больше места в телевизионном повествовании. Более тихая и успокаивающая коммуникативная зона дня теперь распространяется и на вечернюю часть программы, вовлекая в свою аудиторию даже тех, у кого никогда не хватит смелости сказать, что в течение многих лет они следили за повествованием, которое всегда одно и то же

⁶ Игра слов: ит. *paese* означает как «село», так и «страна» (Прим. пер.).

и все больше похоже на себя. Маленькое сообщество, в котором все встречаются лицом к лицу и живут отношениями в пространстве и времени, о которых известно всё. Слова, чувства всегда одни и те же. Обряды перехода медленно, но неминуемо проявляются в повествовании, которое никогда не перестанет существовать. Это моменты статуса, которые отмечают вечность повседневных и исключительных моментов жизни и которые во времени, становясь все длиннее, выживают и порождают разнообразные варианты перед лицом течения времени. Это обновления, которые рассказывают о смене времени и фольклорной структуре повествования. И поэтому мир, живущий в трауре по утрате речи, социальности, прячется в своем доме-крепости и с помощью этих форм коммуникации пытается возродить, насколько это возможно, ритмы сообщества, в котором он, возможно, никогда не жил на самом деле. Ритмы, являющиеся частью биологии прошлого, которые мы носим с собой, даже если пытаемся их забыть.

Кроме того, существует еще одна экзистенциальная черта, которой можно оперировать, чтобы восстановить формульный язык устной традиции. Хорошо известно, что человек проводит около половины своей жизни в заботе, охране и защите от хрупкости, связанной с рождением и медленным ростом и созреванием тела, а вторую половину — в заботе о пожилых членах семьи.

Сегодня это золотое правило нарушается. Фальшивые «гнезда»⁷, потому что это не гнезда, в них нет родительского присутствия для малышей, фальшивые «дома отдыха»⁸, потому что они не предлагают правильный и радостный отдых для пожилых людей, который можно разделить и в котором можно участвовать с семьей, — всё больше перехватывают инструментальную потребность в экстернализации заботы о человеческом теле и душе, потому что жизнь, которую мы жи-

вим, больше не основана на даре и контр-даре, на обмене заботливой поддержкой между старыми и молодыми. Новые поколения нарушили это молчаливое соглашение. Мы больше не заботимся о членах семьи, потому что семья стала сублимационной и никто больше не хочет оставаться дома, чтобы хранить очаг. Это правда, что вам нужно работать, и поэтому, чтобы свести концы с концами, вы выплескиваете ребенка вместе с грязной водой. Если бы семья вернулась к роли хранителя биологических и эмоциональных связей ее членов, она стала бы ядром, с которого можно начать переосмысление и возрождение устного слова.

В течение нескольких лет у меня была возможность близко изучать в процессе включенного наблюдения женщину, которая находится на пути к рубежу в сто лет, которая живет самостоятельно и счастливо одна, потому что в маленькой деревне, где она проживает, она окружена замкнутым миром детей, внуков и правнуков. Семья легко следует за ней в плотном ежедневном диалоге, в котором мысли о матери, бабушке и прабабушке находятся в центре речи. Каждый день они пересматривают генеалогическое древо семьи и семей, которые живут и жили в сообществе. Реконструируется карта села и стратифицируются во времени лавки и магазины, которые когда-то обеспечивали село, а сегодня больше не дают возможности жить самостоятельно. Церковь и церкви, каждый религиозный знак исследуется и наполняется верой, которая интенсивно жила священным пространственно-временным ритмом годового цикла. Священники, которые больше даже не присутствуют в памяти религиозного учреждения, возвращаются к жизни в историях добра и зла, которые они оставили после себя. С другой стороны, память может быть истинной только в том случае, если она возобновляет прошлое во всей его полноте в настоящем церкви, выживающей за счет стариков,

⁷ Слово «гнездо» (ит. *nido*) означает также «детский сад» (Прим. пер.).

⁸ «Дом отдыха» (ит. *casa di riposo*) — дом престарелых (Прим. пер.).

потому что как раз немногие пожилые люди делят субботнюю мессу (проводимую по воскресеньям) с другими приходами в этом районе.

Время социальности общины было организовано таким образом, что летом люди встречались в уголках деревни, обставленных каменными скамейками, где ветер смягчал жару, а зимой в местах общего пользования деревни, где солнце согревало пожилых людей, более всего чувствительных к холоду. Легенды, поговорки, прозвища даже тех поколений, которых уже давно нет на свете, всплывают на поверхность и возобновляют прошлое: ведь если его не повторять и не пересказывать снова и снова, оно будет принадлежать только вечному забвению. Функция детей, внуков и даже правнуков состоит в том, чтобы помочь Катерине без всякого нетерпения обновлять это возвращение прошлого, которое становится сакральной идентичностью [Massenzio 1997]. Память о прошлом, живая и обновляющаяся в настоящем, как тогда, вспоминает Катерина, когда вечером дети шли в церковь, а потом мать обмакивала кусочек хлеба в святую воду и давала ребенку, которого держала на руках, — сакральный жест народной религиозности, где мама участвует в священном обряде.

Длинная история, которая повторяется каждый день, одна и та же и разная, позволила мне на собственном опыте испытать, как утраченные отношения между поко-

лениями могут породить «новую старую» историю, нетипичную для сегодняшнего дня, если семья согласится участвовать в сохранении и распространении памяти пожилого человека. Породить новое направление смысла, привести к прямой борозде, где слово вновь обретает значение мифа и истории и становится конечной фигурой, для которой поколение осознало смысл бытия в мире.

В конце конца, который, как мы поняли, не знает значения конца, исследование, призванное подтвердить в полевых условиях конец культуры слова, пытается вставить в игольное ушко новую нить, позволяющую начать новую речь, которая, отталкиваясь от всего, что осталось от памяти прошлого, относящейся к врожденным способностям человеческого примата, начнет новый путь устности. Траектория, в которой слово человеческого примата станет наследием знания, поэтики и эмоциональности, способное расти и вступать в диалог, как это делают слово и жест, неосмотрительно оставленные нами позади, — с целью позитивно переосмыслить общинную жизнь как ресурс для сбалансированного и гармоничного развития природы, которая все еще умеет вешать на луну мечтательные чувства [Grimaldi 2023], чтобы Гомеру не пришлось умирать, как подсказал мне Антонио Табукки в своей книге «Тристан умирает».

*Перевод с итальянского
М. Е. Кабицкого*

Источники и материалы

Berzano 2023 — *Berzano L.* Senza più la domenica. Viaggio nella spiritualità secolarizzata. Cantalupa: Effata Editrice, 2023.

Bettini 2016 — *Bettini M.* Radici. Tradizione, identità, memoria. Bologna: Il Mulino, 2016.

Giono 1953 — *Giono J.* L'homme qui plantait des arbres. Paris: Gallimard, 1953.

Jacini 1884 — *Jacini S.* Relazione finale // Atti della Giunta per l'inchiesta agraria e sulle condizioni della classe agricola. Roma: Forzani, 1884.

Revelli 1977 — *Revelli N.* Il mondo dei vinti. Testimonianze di vita contadina. VII. I, II. Torino: Einaudi, 1977.

Revelli 1985 — *Revelli N.* L'anello forte. La donna: storie di vita contadina. Torino: Einaudi, 1985.

Rotterdam 2013 — *Erasmus da Rotterdam.* Adagia; trad. it., Adagia di guerra, pace, saggezza, follia. Palermo: Sellerio Editore Palermo, 2013.

Tabucchi 2004 — *Tabucchi A.* Tristano muore. Milano: Feltrinelli, 2004.

Teti 2023 — *Teti V.* La restanza. Torino: Einaudi, 2023.

Yourcenar 1951 — *Yourcenar M.* Mémoires d'Hadrien. Paris: Plon, 1951.

Исследования

Гримальди 2019 — *Гримальди П.* Огонь погас. От огня естественного к огню искусствен-

ному // Традиционная культура. 2019. № 3. С. 90–102.

Aime, Pietropoli 2014 — *Aime M., Pietropoli Charmet G.* La fatica di diventare grandi. La scomparsa dei riti di passaggio. Torino: Einaudi, 2014.

Bonato 2017 — *Bonato L.* (a cura di). Aree marginali. Sostenibilità e saper fare nelle Alpi. Milano: Franco Angeli, 2017.

Bravo 1984 — *Bravo G. L.* Festa contadina e società complessa. Milano: Franco Angeli, 1984.

Bravo 2013 — *Bravo G. L.* Italiani all'alba del nuovo millennio. Milano: Franco Angeli, 2013.

Buttitta 1996 — *Buttitta A.* Dei segni e dei miti. Una introduzione alla antropologia simbolica. Palermo: Sellerio Editore Palermo, 1996.

Buttitta 2020 — *Buttitta I.* Verità e menzogna dei simboli. Milano: Franco Angeli, 2020.

Chatwin 1987 — *Chatwin B.* The Songlines; trad. it.: Le Vie dei Canti. Milano: Viking, 1987.

Cirese 1971 — *Cirese A. M.* Cultura egemonica e culture subalterne. Rassegna degli studi sul mondo popolare tradizionale. Palermo: Palumbo Editore, 1971.

Cirese 1976 — *Cirese A. M.* Intellettuali, folklore, istinto di classe. Torino: Einaudi, 1976.

Clemente 1984 — *Clemente P.* (a cura di). I frutti del Ramo d'oro. James G. Frazer e le eredità dell'antropologia // La Ricerca Folklorica. 1984. № 10. P. 5–8.

Clemente, Mugnaini 2001 — *Clemente P., Mugnaini F.* (a cura di). Oltre il folklore. Tradizioni popolari e antropologia nella società contemporanea. Roma: Carocci Editore, 2001.

De Martino 1948 — *De Martino E.* Il mondo magico. Prolegomeni a una storia del magismo. Torino: Einaudi, 1948.

De Martino 1958 — *De Martino E.* Morte e pianto rituale nel mondo antico. Torino: Einaudi, 1958.

Eliade 1965 — *Eliade M.* Le Sacré et le Profane. Paris, 1965.

Frazer 1922 — *Frazer J. G.* The Golden Bough. A Study in Magic and Religion. London: Macmillan, 1922.

Ginzburg 1989 — *Ginzburg C.* Storia notturna: Una decifrazione del Sabba. Torino: Einaudi, 1989.

Grimaldi 1993 — *Grimaldi P.* Il calendario rituale contadino. Il tempo della festa e del lavoro fra tradizione e complessità sociale. Milano: Franco Angeli, 1993.

Grimaldi 2023 — *Grimaldi P.* Di lune e di falò. Cesare Pavese: antropologia del romanzo dell'addio. Soveria Mannelli: Rubettino, 2023.

Grimaldi et al. 2019 — *Grimaldi P., Fassino G., Porporato D.* Culture, heritage, identity and food. A methodological approach. Milano: Franco Angeli, 2019.

Grimaldi, Porporato 2012 — *Grimaldi P., Porporato D.* Granai della memoria. Manuale di umanità 2.0. Bra-Pollenzo: Università degli Studi di Scienze Gastronomiche, 2012.

Grimaldi, Porporato 2015 — *Grimaldi P., Porporato D.* Atlante delle Feste Popolari del Piemonte // L'Uomo, Società, Tradizione, Sviluppo. 2015. 40, 1. P. 149–153.

Harari 2024 — *Harari Y. N.* Nexus, A Brief History of Information Networks from the Stone Age to AI; trad. it.: Nexus. Breve storia delle reti di informazione dall'età della pietra all'IA. Firenze: Fern Press, 2024.

Hobsbawm, Ranger 1983 — *Hobsbawm J. E., Ranger T.* (eds.). The Invention of Tradition. Cambridge: Cambridge University Press, 1983.

Le Goff 1979 — *Le Goff J.* Memoria // Enciclopedia. Vol. VIII. Torino, 1979. Pp. 1068–1109.

Leroi-Gourhan 1964–1965 — *Leroi-Gourhan A.* Le geste et la parole. Technique et langage. Paris: Albin Michel, 1964–1965.

Lombardi Satriani 1983 — *Lombardi Satriani L.* Il silenzio, la memoria e lo sguardo. Palermo: Palumbo Editore, 1983.

Marrone 2011 — *Marrone G.* Addio alla Natura. Torino: Einaudi, 2011.

Massenzio 1997 — *Massenzio M.* Sacro e identità. Senso del mondo e linea di confine. Milano: Franco Angeli, 1997.

Montanari 2021 — *Montanari T.* Chiese chiuse. Torino: Einaudi, 2021.

Sennett 2008 — *Sennett R.* The Craftsman. New Haven; London: Yale University Press, 2008.

Van Gennep 1909 — *Van Gennep A.* Les rites de passage. Paris: Émile Nourry, 1909.

© П. Гримальди, 2025

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Гримальди П. <https://orcid.org/0000-0002-9726-4808>

Профессор, ректор (2011–2017) Университета гастрономических наук: Италия, г. Бра (CN), 12042, Полленцо, Пьяцца Витторิโอ Эмануэле, д. 9; тел.: +39 (0172) 45-85-11; e-mail: p.grimaldi@unisg.it

Homer Must not Die. Humanity is Losing the Gift of Speech

Piercarlo Grimaldi

(University of Gastronomic Sciences:
9, Piazza Vittorio Emanuele, Pollenzo, 12042, Bra (CN), Italia)

Summary. *This article is a reflection (based on author's own personal and scholarly experience) on the problems and tasks of ethno-anthropology in the context of the fundamental changes in the world that are leading to the rupture of the many-thousand-year-old mechanism of oral transmission of cultural experience from generation to generation. It describes the significance and consequences of these changes and the prospects for the preservation (and the possibility of revival) of the oral cultural heritage in the new conditions of an urbanized digital society.*

Key words: end of oral tradition, orality, ethnography of Italy.

Received: March 3, 2025.

Date of publication: September 25, 2025.

For citation: Grimaldi P. Homer Must not Die. Humanity is Losing the Gift of Speech. *Traditional Culture*. 2025. Vol. 26. No. 3. Pp. 162–178. In Russian.

DOI: <https://doi.org/10.26158/TK.2025.26.3.016>

© P. Grimaldi, 2025

ABOUT THE AUTHOR

Piercarlo Grimaldi <https://orcid.org/0000-0002-9726-4808>

E-mail: p.grimaldi@unisg.it

Tel.: +39 (0172) 45-85-11

9, Piazza Vittorio Emanuele, Pollenzo, 12042, Bra (CN), Italia

Full Professor, Rector (2011–2017), University of Gastronomic Sciences

This is an open access article distributed
under the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY4.0)